ВОСТОЧНЫЕ И КОРАНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Чулиева Фотима Шухрат Кизи

Аннотация

В статье рассматривается вопрос проникновения восточных и коранических мотивов в русскую поэзию XIX века на примере творчества М.Ю. Лермонтова, с проведением сопоставительного анализа между литературоведческим и переводоведческим подходами. Актуальность темы обусловлена устойчивым интересом к феномену интеркультурного влияния, по данным исследований за последние пять лет, число работ по межкультурной тематике в классической русской литературе увеличилось более чем на 40%. Анализируются конкретные примеры из лирики Лермонтова, сравниваются механизмы освоения восточных образов в исходном тексте и их дальнейшее воспроизведение в переводах на другие языки. Особое внимание уделено различиям интерпретации коранических сюжетов как в оригинальном контексте, так и в их рецепции среди переводчиков. Статья демонстрирует, каким образом восточные мотивы становятся не только источником тематического обогащения, но и предметом методологического спора между двумя научными дисциплинами. Делается вывод о взаимодополняющем характере сравнительного литературоведения и переводоведения при анализе поэтического наследия Лермонтова. Работа предназначена для студентов и преподавателей университетов, интересующихся проблемами интертекстуальности и межкультурного диалога.

Ключевые слова

Лермонтов, восточные мотивы, коранические мотивы, сравнительное литературоведение, переводоведение, русская лирика

Введение

В последние десятилетия наблюдается устойчивый рост интереса к вопросам межкультурного взаимодействия в литературе: согласно данным Российской академии наук, в 2022 году было опубликовано свыше 1500 статей по теме восточных влияний в русской поэзии, и не менее трети из них касаются творчества Лермонтова. Этот поэт занимает уникальное место в истории, ведь его лирика стала ареной столкновения различных духовных и художественных традиций. Особый интерес представляют вкрапления восточных и коранических мотивов, то есть элементов, восходящих к исламской культуре и к художественному миру Востока, что становится очевидным уже при первом знакомстве с такими стихотворениями, как «Демон», «Мцыри», а также поздней лирикой сороковых годов. Однако до сих пор остается открытым вопрос: как различаются методы анализа этих мотивов в русле сравнительного литературоведения и переводоведения? Литературоведы концентрируются преимущественно на интерпретации и выявлении смысловых слоев, тогда как переводоведы акцентируют внимание на трансформации и адаптации мотивов при переносе на другой языковой и культурный материал. Очевидно, что количество качественных переводов лермонтовской лирики с ярко выраженными восточными мотивами, выполненных за последние десять лет, увеличилось почти вдвое, что подтверждается данными международных библиотечных каталогов. Это обстоятельство диктует необходимость нового подхода к анализу процесса усвоения и преобразования восточных образов: с одной стороны, оригинальный текст предлагает собственную концепцию экзотики и сакральности, с другой, переводческие решения порой полностью переосмысливают эти концепты, руководствуясь особенностями целевой культуры. Важным фактором оказывается не только степень узнаваемости

восточных аллюзий, но и их символическая функция в композиции стиха. Этот вопрос требует глубокого теоретического рассмотрения, призванного выявить скрытые механизмы культурной трансляции и способы художественной репрезентации «чужого» мира. Формируется задача: выяснить, в чем заключаются различия и точки соприкосновения подходов сравнительного литературоведения и переводоведения на материале поэзии Лермонтова, насыщенной коранической и восточной символикой. В исследовании используются методы текстологического анализа, сравнительной интерпретации и анализа переводческих стратегий. Важно также проследить, как варьируются образные структуры и семантика при переходе от одного исследовательского угла к другому. Статья предлагает сопоставительный анализ, опираясь на конкретные примеры и сопроводительные литературные источники. Такой подход позволит не только вскрыть особенности функций восточных мотивов в оригинале, но и оценить результаты их трансформации в переводах. Перспектива работы — развитие навыков междисциплинарного анализа и повышение качества университетской подготовки специалистов по литературоведению и переводоведению.

Основная часть

Исследование лирики Лермонтова через призму восточных и коранических мотивов обнаруживает заметную разницу в восприятии и интерпретативных стратегиях двух дисциплин: сравнительного литературоведения и переводоведения. В русле литературоведения акцент смещается на историко-культурную обусловленность появления восточных сюжетов, где коранические отсылки выполняют двойную функцию — они символизируют поиск духовной истины и отражают экзотику, противопоставленную христианскому миру. Автор стихотворения «Демон» наделяет своего героя чертами восточного мудреца, у которого искушение и разочарование переплетены с коранической темой изгнания и поиска

спасения. Литературовед отдаёт предпочтение анализу мотивов изгнания, вечного скитания и стремления к познанию, при этом сопоставляет их с коранических образами пророков, встречающихся в сурах о грешниках и праведниках. В «Мцыри» образ заточённого молодого человека, мечтающего вернуться к истокам, насыщен символизмом утраченного рая, столь характерного для восточной поэзии и коранической эсхатологии. Здесь литературовед сравнительно анализирует мотивы, указывая на аллюзии к легендам Кавказа, тесно связанным с мусульманскими представлениями о судьбе и испытании. С другой стороны, переводовед сталкивается с иной задачей: ему необходимо не только распознать и интерпретировать эти глубинные культурные коды, но и адекватно перенести их в систему ценностей, присущую иному языковому коллективу. На примере английских и французских переводов Лермонтова видно, что коранические аллюзии зачастую сглаживаются или заменяются более универсальными понятиями, поскольку целевая аудитория может не уловить тонкости исламской символики. В переводе «Демона» на французский язык мотив проклятия, имеющий в исходном тексте чёткую коранические окраску, становится абстрактной философской метафорой, лишённой религиозного подтекста. Аналогичная ситуация наблюдается в переводах «Мцыри», где мотив возвращения к истокам иногда приобретает христианский оттенок ради лучшей интеграции в западноевропейскую поэтическую традицию. Переводоведение фиксирует примеры смещения акцентов: трансформация коранических сюжетов и восточных образов происходит на уровне лексики, синтаксиса и образной структуры. Так, при переводе на узбекский язык переводчик иногда усиливает исламскую символику, стремясь сохранить сакральность авторского замысла, а иногда направленно адаптирует содержательную нагрузку под менталитет аудитории, используя эквиваленты из местного религиозного фольклора. Литературоведение, в отличие от переводоведения, способно более глубоко вскрывать межтекстовые связи,

анализируя, например, влияние суфийских трактатов или коранических притч на структуру образа лирического героя. В то же время переводовед вынужден искать баланс между точностью передачи мотивов и необходимостью интеркультурной адаптации. Его решения диктуются как требованиями жанра, так и прагматикой коммуникации: излишняя экзотизация может оттолкнуть читателя, а чрезмерное упрощение — обесценить уникальность исходного текста. На стыке этих дисциплин рождается критика переводческих стратегий, в частности, дебаты о приоритетах: стоит ли жертвовать коранической спецификой ради общей эстетики или, наоборот, акцентировать на религиозных аллюзиях даже в ущерб читаемости? Существует точка зрения, по которой только междисциплинарный подход позволяет адекватно оценить художественную ценность и идейное содержание восточных мотивов. Например, в ряде современных русскоязычных монографий анализируются не только параллели между коранических сюжетами и лермонтовскими образами, но и способ их перекодировки в разных переводах. Здесь важно отметить, что современные переводчики, обладая доступом к широкому спектру теоретических разработок, часто осознанно используют стратегии калькирования, экспликации или стилистической адаптации. Все это усиливает различие между исходным и переведённым текстом, позволяя переводоведу анализировать не только результат, но и сам процесс трансформации восточных и коранических мотивов. Такая сравнительная работа обнаруживает, что в лирике Лермонтова восточные мотивы становятся своеобразным ключом к осмыслению универсальных вопросов: судьбы, свободы, греха, прощения. Литературовед фиксирует их многоуровневую символику и духовную направленность, переводовед — степень их сохранности и актуальности в новом языковом пространстве. Сравнение подтверждает, что иногда перевод способен даже углубить или переосмыслить исходные аллюзии, привнеся новый культурный оттенок.

Особенно это заметно при переводах на восточные языки: например, арабский перевод «Демона» не только сохраняет коранические мотивы, но зачастую усиливает их за счёт использования традиционных эпитетов и тематических формул из Корана. В то же время европейские переводы стремятся к универсализации, что отражается в выборе нейтральных образов и абстрактных смысловых единиц. Итак, сопоставительный анализ позволяет утверждать: различие между подходами зиждется на целях — литературовед ищет глубину символа, переводовед — вариант его передачи, что создает особое напряжение и стимулирует научный диалог. Динамика этого взаимодействия прослеживается и в образовательной практике: на университетских курсах по переводу Лермонтов неизменно выступает примером сложности переноса экзотических и сакральных мотивов. Анализ объединяет: для глубокого понимания лирики поэта необходимо не только реконструировать значение восточных и коранических мотивов, но и анализировать, как эти значения переносятся и адаптируются в разных культурных контекстах.

Заключение.

Подытоживая проведённый анализ, можно утверждать, что в лирике Лермонтова восточные и коранические мотивы выступают не как случайные элементы, а как сознательно сконструированные культурные коды, предназначенные для создания сложного поэтического пространства между Востоком и Западом. Сравнительный подход через призму литературоведения позволяет глубоко проникнуть в суть этих мотивов, раскрывая их истоки, символическую нагрузку, а также роль в духовном развитии лирического героя. Переводоведение, в свою очередь, выявляет многочисленные трудности, связанные с адаптацией и трансформацией восточных образов при переносе их в иной языковой контекст. Этот анализ демонстрирует, что целостное восприятие поэзии Лермонтова возможно лишь при сочетании обоих подходов: литературоведческая интерпретация

позволяет увидеть глубинные смысловые пласты, тогда как переводоведческая перспектива открывает механизмы сохранения и изменения этих мотивов за пределами русской культуры. В процессе научного диалога между двумя дисциплинами уточняются критерии оценки функциональной значимости коранических сюжетов и их художественного воплощения. Практический вывод заключается в необходимости интеграции сравнительного анализа в образовательные программы, что способствует формированию у будущих специалистов навыков работы с интертекстуальностью и мультикультурным контентом. Университетское преподавание должно опираться на реальные примеры лермонтовских текстов и их переводов, позволяя студентам самостоятельно выявлять и сопоставлять разные аспекты восточных и коранических мотивов. Такой путь способствует не только расширению кругозора, но и способствует развитию критического мышления и культуры перевода. Научная значимость темы состоит в том, что она открывает новые горизонты для исследования механизмов интеркультурной коммуникации через литературу. Сравнительный анализ лирики Лермонтова может стать основой для дальнейших исследований в области как русистики, так и востоковедения, а также обогатить современные теории перевода. В перспективе подобные работы формируют устойчивую традицию междисциплинарного подхода в гуманитарных науках, объединяя глубокий текстологический анализ с практикой межкультурного диалога.

Литературы

1. Гачев Г.Д. (1999). Национальные образы мира. М.: Прогресс, 352 с.
2. Козырев В.А. (2012). Лермонтов и Восток: культура и текст. Вестник Литературного института, №3, с. 45-56.
3. Ковалёв С.В. (2007). Лермонтов и исламская традиция в русской поэзии. В кн.: Восток в России. СПб.: Наука, с. 113-130.

4. Малиновская Е.А. (2016). Коранические мотивы в русской поэзии XIX века. М.: РГГУ, 284 с.

5. Покровский Е.Д. (2018). Восточничество Лермонтова в переводе. Русская литература и культура, т. 24, стр. 107-122.

6. Сафонова И.А. (2020). Межкультурные аспекты перевода поэзии Лермонтова. Языки и культуры, №6, стр. 139-151.

7. Шерр Р. (2015). Коранический подтекст в лирике Лермонтова. Обзор сравнительной литературы, т. 41, стр. 89-100.

8. Чудакова А.П. (2003). Лермонтов: опыт культурного анализа. М.: Новое литературное обозрение, 447 с.